

Короткие рассказы из сборника "100 избранных рассказов", автор О Генри

Дары волхвов

Космополит в кафе

В перерыве

Комната на чердаке

Из любви к искусству

Дебют Мэгги

Коп и песнопения

Мемуары желтой собаки

Любовное зелье Айки Шонштейна

Меблированная комната

Последний лист

Поэт и поселянин

Блуждания без памяти

Муниципальный отчет

Доказательство в пудинге

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. И шестьдесят центов из них – мелочь по одному центу. За каждую монетку пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от их молчаливого негодования, вызванного такой экономностью. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что могла сделать Делла в такой ситуации, это плюхнуться на старенькую кушетку и разреваться. Именно так Делла и поступила. Отсюда выплывает философский вывод, что жизнь состоит из слез, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Это меблированная квартира за восемь долларов в неделю. Бедность не то чтобы кричала из каждого угла, но тихо напоминала о себе. На входной двери внизу был почтовый ящик, который давно не видел писем, и звонок, из которого ни один смертный не мог извлечь и звука. На двери висела табличка с именем «Мистер Джеймс Диллингем Юнг». «Диллингем» развернулось во всю длину в период, когда

обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, когда доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингем» казались менее яркими, как будто рассматривали возможность сокращения до простого «Д». Но когда мистер Джеймс Диллингем Юнг приходил домой и поднимался к себе на этаж, его всегда встречал возглас: «Джим!» и нежные объятия миссис Джеймс Диллингем Юнг, уже представленной читателю под именем Деллы.

Делла закончила плакать и провела пуховкой по щекам. Теперь она стояла у окна и уныло рассматривала серую кошку, гуляющую по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у нее только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она откладывала буквально каждый сэкономленный цент, и вот все, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Ее Джиму! Сколько времени она провела, придумывая, что бы такое подарить ему к Рождеству. Что-нибудь особенное, редкостное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное Джима.

Между окнами стояло трюмо. Вам когда-нибудь приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой меблированной квартиры? Очень худой и подвижной человек, наблюдая смену отражений в его узких створках, может составить о себе довольно точное представление. Худенькой Делле удалось виртуозно овладеть этим искусством.

Она вдруг отпрянула от окна и взглянула в зеркало. Глаза ее блеснули, но с лица за несколько секунд стало бледным, как стена. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Нужно отметить, что у четы Джеймс Диллингем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно — золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое — волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы — специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения ее величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана — специально для того, чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже коленей и окутывали почти всю ее фигуру. Но она тотчас же впопыхах принялась снова подбирать их. Потом, словно

задумавшись, несколько минут стояла неподвижно, и пара слезинок упал на издававший виды красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову — и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими искорками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дыхание.

— Не купите ли вы мои волосы? — спросила она у мадам.

— Я покупаю волосы, — ответила мадам. — Снимите шляпу, надо посмотреть товар. Снова заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

— Давайте скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощения за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима. Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она все в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, — такими и должны быть все хорошие вещи. Ее, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела ее, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчету. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали ее удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!» В семь часов кофе был сварен, и раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

— Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелегкое дело в двадцать два года быть обремененным семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он все еще не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня все равно будешь любить? Я ведь все та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдешь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, —

продолжала она, и ее нежный голос вдруг зазвучал серьезно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займемся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто сверток и бросил его на стол.

— Не пойми меня неправильно, Делл, — сказал он. — Никакая прическа и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот сверток, и тогда ты поймешь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечевку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же — увы! — чисто по-женски сменившийся потоком слез и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней — один задний и два боковых, — которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет ее каштановых волос. Они стоили дорого — Делла знала это, — и сердце ее долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожаделенный блеск.

Все же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала:

— У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

— Ах, боже мой!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах ее бурной и искренней радости.

— Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть все вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — придется нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

КОСМОПОЛИТ В КАФЕ

В полночь кафе было переполнено. В силу какой-то случайности столик, за который я сел, ускользнул от глаз посетителей, и еще два свободных кресла возле него с продажным гостеприимством протянули свои подлокотники навстречу потоку клиентов.

А затем на одно из кресел опустился космополит — к моей радости, ибо я придерживался теории, что после Адама не существовало ни одного истинного гражданина мира. Мы слышим о них, и мы видим иностранные наклейки на многочисленном багаже, но вместо космополитов обнаруживаем туристов.

Представляю для вашего рассмотрения эту сцену — столики с мраморным верхом, ряд обтянутых кожей сидений вдоль стен, веселая компания, леди в полувечерних туалетах, составляющие очевидный и изящный хор вкуса, экономии, процветания или искусства; усердные и падкие на чаевые гарсоны, музыка, мудро угождающая всем вкусам своими рейдами по различным композиторам; смесь беседы и смеха — и, если угодно, Вюрцбургер в высоких стеклянных конусах, которые склоняются к вашим губам, как спелая вишня покачивается на ветке прямо в клюв разбойницы-сойки. Один скульптор из Моч Чанка говаривал мне, что это подлинно парижская сцена.

Моего космополита звали Е. Рашмор Коглан, и начиная со следующего лета о нем услышат на Кони Айленд. Он должен устроить там новый аттракцион, — сообщил он

мне, – предлагающий великолепное развлечение. Затем его беседа начала вращаться вдоль параллелей широты и долготы. Он, можно сказать, взял огромный круглый мир в свою ладонь – фамильярно, презрительно, – и тот оказался не больше косточки от мараскиновой вишни в грейпфруте за табльдотом. Он непочтительно отзывался об экваторе, он перескакивал с континента на континент, он высмеивал часовые пояса, он осушал океан своей салфеткой. Махнув рукой, он заговорит о каком-то базаре в Хайдерабаде. Фьють! Вы с ним на лыжах в Лапландии. Вжик! Теперь вы катитесь на волне прибоя с канаками Кеалайкахики. Престо! Он протащил вас по болотам Арканзаса, дал минутку просохнуть на солончаковых равнинах своего ранчо в Айдахо, затем зашвырнул вас в общество венских эрцгерцогов. В следующий момент он расскажет вам о простуде, которую он заработал на ветру у озера Чикаго, и как старина Эскамилья вылечил ее в Буэнос Айресе горячим настоем травы чучула. Вы можете адресовать письмо "Е. Рашмору Коглану, эсквайру, Земля, Солнечная система, Вселенная" и отправить его по почте, не сомневаясь, что оно будет доставлено по назначению.

Я был уверен, что нашел по крайней мере одного истинного космополита со времен Адама, и я слушал его всемирную лекцию, боясь, как бы не обнаружить в ней местную нотку обычного туриста. Но его мнения никогда не льстили и ни к чему не склонялись; он был так же беспристрастен к городам, странам и континентам, как ветер или гравитация. И пока Е. Рашмор Коглан судачил об этой маленькой планете, я с ликованием думал об одном великом почти космополите, который писал для всего мира и посвятил себя Бомбею. В стихотворении он рассказал о гордости и соперничестве городов земли и о том, что "городов уроженцы – свой путь проложили они вдалеке, но как материнский подол, город детства зажат в кулаке". И где бы им не случилось по ревающим "мостовым незнакомым шагать", они поминают свой родной город "глупой любовью простой; его имя скользнет легко, вновь оковы неся с собой". И я ликовал, потому что поймал мистера Кипплинга на зевке. Здесь я нашел человека, созданного не из глины; такого, которому несвойственна узкая похвальба местом рождения или страной; такого, который, если и станет хвастать, то всем земным шаром перед марсианами или обитателями Луны.

Изъяснение всех этих предметов было исторгнуто из Е. Рашмора Коглана третьим дополнением к нашему столику. Пока Коглан описывал мне топографию вдоль Сибирской железной дороги, оркестр незаметно перешел к попури. Заключительным мотивом был "Дикси", и его бодрящие звуки были почти заглушены отчаянными аплодисментами почти у каждого столика.

Стоит потратить абзац, чтобы сказать, что эту примечательную сцену можно наблюдать каждый вечер в многочисленных кафе Нью-Йорка. Тонны напитков были выпиты ради разработки теорий, объясняющих этот факт. Эти аплодисменты "мятежной" мелодии в городе северян несколько озадачивают; но загадка разрешима. Война с Испанией, многолетний обильный урожай мяты и арбузов, несколько победителей в забегах на дальние дистанции на ипподроме Нового Орлеана и блестящие банкеты, которые устраивались горожанами Индианы и Канзаса, составляющими Общество Северной Каролины, сделали Юг довольно модным на Манхэттене. Маникюрша мягко прошелестит, что ваш левый указательный палец так напоминает ей палец джентльмена из Ричмонда, штат Вирджиния. О, разумеется; но сейчас многие леди вынуждены работать – война, знаете ли.

Пока играли "Дикси", темноволосый молодой человек возник откуда-то с воплем партизана Мосби и неистово замахал своей шляпой с мягкими полями. Затем он пробрался сквозь дым, упал на свободное кресло у нашего столика и вытащил сигареты.

Вечер вступил в ту фазу, когда сдержанность тает. Кто-то из нас заказал три Вюрцбургера; темноволосый молодой человек подтвердил свое участие в заказе улыбкой и кивком. Я поспешил задать ему вопрос, поскольку хотел испытать свою теорию.

– Не скажете ли вы мне, – начал я, – откуда вы...

Кулак Е. Рашмора Коглана ударил по столу и заставил меня замолчать.

– Простите, – сказал он, – но это вопрос, который я терпеть не могу. Какое имеет значение, откуда тот или другой человек? Справедливо ли судить о человеке по его почтовому адресу? Поверьте, я видал жителей Кентукки, ненавидевших виски, вирджинцев, которые не вели свою родословную от Покахонтас, обитателей Индианы, которые не писали романов, мексиканцев, не носивших вельветовые брюки с серебряными долларами по швам, забавных англичан, расточительных янки, хладнокровных южан, ограниченных уроженцев Запада, и нью-йоркцев, слишком занятых, чтобы на часок остановиться посреди улицы и понаблюдать, как однорукий помощник бакалейщика раскладывает клюкву в бумажные пакеты. Позвольте человеку быть человеком, и не уравнивайте его с помощью ярлыков.

– Извините, – сказал я, – но это совершенно праздное любопытство с моей стороны. Я знаю Юг, и когда оркестр играет "Дикси", люблю понаблюдать. У меня сложилось убеждение, что человек, аплодирующий этой мелодии с особым

неистовством и мнимо-местной преданностью, неизменно оказывается уроженцем либо Секакуса, штат Нью-Джерси, либо района между лицеем Мюррэй Хилл и рекой Харлем в этом городе. Я собирался проверить мое суждение, задав вопрос этому джентльмену, когда вы прервали меня своей – более широкой теорией, должен я признать.

Тут заговорил темноволосый молодой человек, и стало очевидно, что его мысль также движется по собственной колее.

– Я хотел бы быть барвинком, – сказал он загадочно, – на верхушке долины и петь тураллу-раллу.

Очевидно, это было слишком невразумительно, так что я вновь повернулся к Коглану.

– Я двадцать раз объезжал вокруг света, – сказал тот. – Я знаю эскимоса из Упернавика, который посылает в Цинциннати за галстуками, и я видел пастуха коз в Уругвае, который выиграл приз в соревновании по головоломке о продуктах для завтрака в Батл-Крик. Я круглый год арендую комнату в Каире, Египет, и другую – в Йокогаме. В чайном домике Шанхая меня ожидают мои шлепанцы, и мне нет нужды объяснять в Рио де Жанейро или Сиэттле, как сварить для меня яйцо. Что толку хвалиться, что ты с Севера, или с Юга, или из помещичьего дома в долине, или с Эвклид-авеню, Кливленд, или с Пайкс-пика, или из графства Фэрфакс, Вирджиния, или с Равнины Хулиганов, или из любого другого места? Мир был бы лучше, если бы мы перестали валять дурака насчет какого-нибудь прокисшего городишки или десяти акров болот, только потому что нам случилось там родиться.

– Вы кажетесь подлинным космополитом, – сказал я с восхищением. – Но мне кажется также, что вы принижаете патриотизм.

– Пережиток каменного века, – заявил Коглан с горячностью. – Все мы братья – китаец, англичанин, зулус, житель Патагонии и люди, обитающие в излучине реки Канзас. Когда-нибудь вся эта мелкая гордость собственным городом, или штатом, или районом, или страной смахнется, и мы все станем гражданами мира, какими должны быть.

– Но когда вы странствуете в чужих краях, – настаивал я, – не возвращаются ли ваши мысли к некоему мес... некоему дорогому и...

– Ни к какому месту, – дерзко прервал меня Е.Р.Коглан. – террестриальный, сферовидный, планетарный кусок вещества, слегка сплюснутый у полюсов, и известный под названием Земля, – вот мое обиталище. Я встречал немало ограниченных граждан этой страны за рубежом. Я повидал людей из Чикаго,

сидящих в венецианской гондоле и похваляющихся своей дренажной системой. Я видел южанина, который, будучи представлен Английскому королю, не моргнув глазом заявил этому монарху, что его двоюродная бабушка с материнской стороны приходится по мужу родственницей Перкинсам из Чарльстона. Я знал жителя Нью-Йорка, который был похищен ради выкупа некими афганскими бандитами. Его родные выслали деньги, и он вернулся в Кабул вместе с посредником. "Афганистан? – сказали ему местные жители через переводчика. – Ну, не так уж медленно, как вы полагаете?" – "О, не знаю", – ответил он и начал рассказывать им о водителе такси Шестой авеню и Бродвея. Мне такие идеи не подходят. Я не привязан ни к чему менее восьми тысяч миль в диаметре. Записывайте меня как Е. Рашмора Коглана, гражданина земного шара.

Мой космополит внушительно распрощался и покинул меня, поскольку ему показалось, что сквозь гомон и дым он различил какого-то знакомого. Итак, я остался с предполагаемым барвинком, который свелся к Вюрцбургеру без дальнейшей возможности выражать вслух свое стремление к тому, чтобы мелодически сидеть наверху долины.

Я сидел, размышляя о моем очевидном космополите и удивляясь, как поэт умудрился пропустить его. Он был моим открытием, и я поверил в него. Как это? "Городов уроженцы – свой путь проложили они вдалеке, но как материнский подол, город детства зажат в кулаке".

Но не Е. Рашмор Коглан. Для которого весь мир – его...

Мои размышления были прерваны ужасающим шумом и стычкой в другой части кафе. Поверх голов сидящих посетителей я увидел Е. Рашмора Коглана и незнакомого мне человека, занятых страшной борьбой. Они сражались среди столиков, как титаны, и стаканы с грохотом разбивались, и люди хватали шляпы и падали с ног, и брюнет завопил, а блондин начал распевать "Дразнилки".

Мой космополит поддерживал гордость и репутацию Земли, когда официанты сомкнулись вокруг обоих противников в свой знаменитый клиновидный строй и вынесли их наружу, все еще сопротивляющихся.

Я подозвал Маккарти, одного из французских гарсонов, и спросил его о причине конфликта.

– Человек с красным галстуком (это был мой космополит), – ответил он, – разошелся из-за того, что другой парень высказался насчет паршивых тротуаров и водоснабжения в городе, откуда он приехал.

– Как, – сказал я растерянно, – этот человек – гражданин мира – космополит. Он...

– По происхождению – из Маттавамкеага, штат Мэн, так он сказал, – продолжал Маккарти, – и он не потерпит нападок на это место.

В ПЕРЕРЫВЕ

Майская луна ярко освещала частный пансион миссис Мэрфи. Загляните в календарь, и вы узнаете, какой величины площадь освещали в тот вечер ее лучи. Лихорадка весны была в полном разгаре, а за ней должна была последовать сенная лихорадка. В парках показались молодые листочки и закупщики из западных и южных штатов. Расцветали цветы, и процветали курортные агенты; воздух и судебные приговоры становились мягче; везде играли шарманки, фонтаны и картежники.

Окна пансиона миссис Мэрфи были открыты. Кучка жильцов сидела на высоком крыльце, на круглых и плоских матах, похожих на блинчики. У одного из окон второго этажа миссис Мак-Каски поджидала мужа. Ужин стыл на столе. Жар из него перешел в миссис Мак-Каски.

Мак-Каски явился в девять. На руке у него было пальто, а в зубах трубка. Он попросил извинения за беспокойство, проходя между жильцами и осторожно выбирая место, куда поставить ногу в ботинке невероятных размеров. Открыв дверь в комнату, он был приятно изумлен: вместо конфорки от печки или машинки для картофельного пюре в него полетели только слова.

Мистер Мак-Каски решил, что благосклонная майская луна смягчила сердце его супруги.

– Слышала я тебя, – долетели до него суррогаты кухонной посуды. – Перед всякой дрянью ты извиняешься, что наступил ей на хвост своими ножищами, а жене ты на шею наступишь и не почешешься, а я-то жду его не дождусь, все глаза проглядела, и ужин остыл, купила какой-никакой на последние деньги, ты ведь всю получку пропиваешь по субботам у Галлегера, а нынче уж два раза приходили за деньгами от газовой компании.

– Женщина, – сказал мистер Мак-Каски, бросая пальто и шляпу на стул, – этот шум портит мне аппетит. Не относись презрительно к вежливости, этим ты разрушаешь цемент, скрепляющий кирпичи в фундаменте общества. Если дамы загораживают дорогу, то мужчина просто обязан спросить разрешения пройти между ними. Будет тебе выставлять свое свиное рыло в окно, подавай на стол.

Миссис Мак-Каски тяжело поднялась с места и пошла к печке. По некоторым признакам Мак-Каски сообразил, что добра ждать нечего. Когда углы ее губ опускались вниз наподобие барометра, это предвещало град — фаянсовый, эмалированный и чугунный.

— Ах, вот как, свиное рыло? — возразила миссис Мак-Каски и швырнула в своего повелителя полную кастрюльку тушеной репы.

Мак-Каски не был новичком в такого рода дуэтах. Он знал, что должно следовать за вступлением. На столе лежал кусок жареной свинины, украшенный трилистником. Этим он и ответил, получив отпор в виде хлебного пудинга в глиняной миске. Кусок швейцарского сыра, метко пущенный мужем, подбил глаз миссис Мак-Каски. Она нацелилась в мужа кофейником, полным горячей, черной, не лишенной аромата, жидкости; этим заканчивалось меню, а, следовательно, и битва.

Но Мак-Каски был не какой-нибудь завсегдатай грошового ресторана. Пускай нищая богема заканчивает свой обед чашкой кофе. Пускай делает этот faux pas. Он сделает кое-что похитрее. Чашки для полоскания рук были ему небезызвестны. В пансионе Мэрфи их не полагалось, но эквивалент был под руками. Он торжествующе швырнул умывальную чашку в голову своей супруги-противницы. Миссис Мак-Каски увернулась вовремя. Она схватила утюг, надеясь с его помощью успешно закончить эту гастрономическую дуэль. Но громкий вопль внизу остановил ее и мистера Мак-Каски и заставил их заключить перемирие.

На тротуаре перед домом стоял полисмен Клири и, насторожив ухо, прислушивался к грохоту разбиваемой вдребезги домашней утвари. «Опять это Джон Мак-Каски со своей хозяйкой, — размышлял полисмен. — Пойти, что ли, разнять их? Нет, не пойду. Люди они семейные, развлечений у них мало. Да небось скоро и закончат. Не занимать же для этого тарелки у соседей».

И как раз в эту минуту в нижнем этаже раздался пронзительный вопль, выражающий испуг или безысходное горе.

— Кошка, должно, — сказал полисмен Клири и быстро зашагал прочь.

Жильцы, сидевшие на ступеньках, переполошились. Мистер Туми, страховой агент по происхождению и аналитик по профессии, вошел в дом, чтобы исследовать причины вопля. Он возвратился с известием, что мальчик миссис Мэрфи, Майк, пропал неизвестно куда. Вслед за вестником выскочила сама миссис Мэрфи — двухсотфунтовая дама, в слезах и истерике, хватая воздух и вопия к небесам об утрате тридцати фунтов веснушек и проказ. Вульгарное зрелище, конечно, но мистер Туми сел рядом с модисткой мисс Пурди, и руки их сочувственно встретились.

Сестры Уолш, старые девы, вечно жаловавшиеся на шум в коридорах, тут же спросили, не спрятался ли мальчик за стоячими часами?

Майор Григ, сидевший на верхней ступеньке рядом со своей толстой женой, встал и застегнул сюртук.

— Мальчик пропал? — воскликнул он, — Я обыщу весь город.

Его жена обычно не позволяла ему выходить из дому по вечерам. Но тут она сказала баритоном:

— Ступай, Людовик! Кто может смотреть равнодушно на горе матери и не бежит к ней на помощь, у того каменное сердце.

— Дай мне центов тридцать или, лучше, шестьдесят, милочка, — сказал майор. — Заблудившиеся дети иногда уходят очень далеко. Может, мне понадобится на трамвай.

Старик Денни, жилец с четвертого этажа, который сидел на самой нижней ступеньке и читал газету при свете уличного фонаря, перевернул страницу, дочитывая статью о забастовке плотников. Миссис Мэрфи вопила, обращаясь к луне.

— О-о, где мой Майк, ради господ бога, где мой сыночек?

— Когда вы его видели последний раз? — спросил старик Денни, косясь одним глазом на заметку о союзе строителей.

— Ох, — стонала миссис Мэрфи, — может, вчера, а может, четыре часа тому назад. Не припомню. Только пропал он, пропал мой сыночек, Майк. Нынче утром играл на тротуаре, а может, это было в среду? Столько дела, где ж мне припомнить, когда это было? Я весь дом обыскала, от чердака до погреба, нет как нет, пропал да и только. О, ради господ бога...

Молчаливый, мрачный, громадный город всегда стойко выдерживал нападки своих хулителей. Они говорят, что он холоден, как железо, говорят, что жалостливое сердце не бьется в его груди; они сравнивают его улицы с глухими лесами, с пустынями застывшей лавы. Но под жесткой скорлупой омара можно найти вкусное, сочное мясо. Возможно, какое-нибудь другое сравнение было бы здесь более уместно. И все-таки обижаться не стоит. Мы не стали бы называть омаром того, у кого нет хороших, больших клешней.

Ни одно горе не трогает неискушенное человеческое сердце сильнее, чем пропажа ребенка. Детские ножки такие слабенькие, неуверенные, а дороги такие трудные и крутые.

Майор Григ юркнул за угол и, пройдя несколько шагов по улице, зашел в заведение Билли.

— Налейте-ка мне стопку, — сказал он официанту. — Не видели вы такого кривоногого, чумазого дьяволенка лет шести, он где-то тут заблудился.

На крыльце мистер Туми все еще держал руку мисс Пурди.

— Подумать только об этом милом-милом крошке! — говорила мисс Пурди — Он заблудился, один, без своей мамочки, может быть, уже попал под звонкие копыта скачущих коней, ах, какой ужас!

— Да, не правда ли? — согласился мистер Туми, пожимая ей руку. — Может, мне пойти поискать его?

— Это, конечно, ваш долг, — отвечала мисс Пурди. — Но боже мой, мистер Туми, вы такой смелый, такой безрассудный, вдруг с вами что-нибудь случится, тогда как же.

Старик Денни читал о заключении арбитражной комиссии, водя пальцем по строчкам.

На втором этаже мистер и миссис Мак-Каски подошли к окну перевести дух. Согнутым пальцем мистер Мак-Каски счищал тушеную репу с жилетки, а его супруга вытирала глаз, заслезившийся от соленой свинины. Услышав крики внизу, они высунули головы в окно.

— Маленький Майк пропал, — сказала миссис Мак-Каски, понизив голос, — такой шалун, настоящий ангелочек!

— Мальчишка куда-то девался? — сказал Мак-Каски, высовываясь в окно. — Экое несчастье, прямо беда. Дети другое дело. Вот если б баба пропала, я бы слова не сказал, без них куда спокойней.

Не обращая внимания на эту шпильку, миссис Мак-Каски схватила мужа за плечо.

— Джон, — сказала она сентиментально, — пропал сыночек миссис Мэрфи. Город такой большой, долго ли маленькому мальчику заблудиться? Шесть годочков ему было, Джон, и нашему сынку было бы столько же, кабы он родился шесть лет тому назад.

— Да ведь он не родился, — возразил мистер Мак-Каски, строго придерживаясь фактов.

— А если б родился, какое бы у нас было горе нынче вечером, ты подумай: наш маленький Филан неизвестно где, может, заблудился, может, украли.

— Глупости несешь, — ответил Мак-Каски. — Назвали бы его Пат, в честь моего старика в Кэнтриме.

— Врешь! — без гнева сказала миссис Мак-Каски. — Мой брат стоил сотни таких, как твои вшивые Мак-Каски. В честь него мы и назвали бы мальчика.

Облокотившись на подоконник, она посмотрела вниз, на толкотню и суматоху.

— Джон, — сказала миссис Мак-Каски нежно, — прости, я погорячилась.

— Да, — ответил муж, — пудинг был горячий, это верно, а репа еще горячее, а кофе так прямо кипяток. Можно сказать, горячий ужин, правда твоя.

Миссис Мак-Каски взяла мужа под руку и погладила его шершавую ладонь.

— Ты послушай, как убивается бедная миссис Мэрфи, — сказала она. — Ведь это просто ужас, такому крошке заблудиться в таком большом городе. Если б это был наш маленький Филан, у меня бы сердце разорвалось.

Мистер Мак-Каски неловко отнял свою руку, но тут же обнял жену за плечи.

— Глупость, конечно, — сказал он грубовато, — но я бы и сам убивался, если б нашего... Пата украли или еще что-нибудь с ним случилось. Только у нас никогда детей не было. Я с тобой бываю груб, неласков, Джуди. Ты уж не попомни зла.

Они сели рядом и стали вместе смотреть на драму, которая разыгрывалась внизу. Долго они сидели так. Люди толпились на тротуаре, толкаясь, задавая вопросы, оглашая улицу разговором, слухами, и неосновательными предположениями. Миссис Мэрфи то исчезала, то появлялась, прокладывая себе путь в толпе, как большая, рыхлая гора, орошаемая звучным каскадом слез. Курьеры прибегали и убегали.

Вдруг гул голосов, шум и гам на тротуаре перед пансионом стали громче.

— Что там такое, Джуди? — спросил мистер Мак-Каски.

— Это голос миссис Мэрфи, — сказала жена, прислушавшись. — Говорит, нашла Майка под кроватью у себя в комнате, он спал за свертком линолеума.

Мистер Мак-Каски расхохотался.

— Вот тебе твой Филан, — насмешливо воскликнул он. — Пат такой штуки ни за что не отколол бы. Если бы мальчишку, которого у нас нет, украли бы или он пропал бы неизвестно куда, черт с ним, пускай назывался бы Филан да валялся бы под кроватью, как паршивый щенок.

Миссис Мак-Каски тяжело поднялась с места и пошла к буфету — уголки рта у нее были опущены.

Полисмен Клири появился из-за угла, как только толпа рассеялась. В изумлении, насторожив ухо, он повернулся к окнам квартиры Мак-Каски, откуда громче прежнего слышался грохот тарелок и кастрюль и звон швыряемой в кого-то кухонной утвари. Полисмен Клири вынул часы.

— Провалиться мне на этом месте! — воскликнул он. — Джон Мак-Каски с женой дерутся вот уже час с четвертью по моему хронометру. Хозяйка-то потяжелей его фунтов на сорок. Дай бог ему удачи.

Полисмен Клири опять повернул за угол. Старик Денни сложил газету и скорей заковылял вверх по лестнице, как раз вовремя, потому что миссис Мэрфи уже заперла двери на ночь.

КОМНАТА НА ЧЕРДАКЕ

Сначала миссис Паркер показывает вам квартиру с кабинетом и приемной. Не смея прервать ее, вы долго слушаете описание преимуществ этой квартиры и достоинств джентльмена, который жил в ней целых восемь лет. Наконец, вы набираетесь мужества и, запинаясь, признаетесь миссис Паркер, что вы не доктор и не зубной врач. Ваше признание она воспринимает так, что в душе у вас остается горькая обида на своих родителей, которые не позаботились дать вам в руки профессию, соответствующую кабинету и приемной миссис Паркер.

Затем вы поднимаетесь на один пролет выше, чтобы во втором этаже взглянуть на квартиру за восемь долларов, окнами во двор. Тон, каким миссис Паркер беседует на втором этаже, убеждает вас, что комнатки по-настоящему стоят все двенадцать долларов, как и платил мистер Тузенберри, пока не уехал во Флориду управлять апельсиновой плантацией своего брата где-то около Палм Бич, где, между прочим, проводит каждую зиму миссис Мак-Интайр, та, что живет в комнатах окнами на улицу и с отдельной ванной, - и вы в конце концов набираетесь духу пробормотать, что хотелось бы что-нибудь еще подешевле.

Если вам удастся пережить презрение, которое выражает миссис Паркер всем своим существом, то вас ведут на третий этаж посмотреть на большую комнату мистера Скиддера. Комната мистера Скиддера не сдается. Сам он сидит в ней целыми днями, пишет пьесы и курит папиросы. Однако сюда приводят каждого нового кандидата в съемщики, чтобы полюбоваться ламбрекенами. После каждого такого посещения на мистера Скиддера находит страх, что ему грозит изгнание, и он отдает еще часть долга за комнату.

И тогда - о, тогда! - Если вы еще держитесь на ногах, потной рукой зажимая в кармане слипшиеся три доллара, и хриплым голосом объявляете о своей отвратительной, достойной всяческого порицания бедности, миссис Паркер больше не водит вас по этажам. Она громко возглашает: "Клара!", она поворачивается к вам спиной и демонстративно уходит вниз. И вот когда чернокожая служанка провожает вас вверх по устланной половичком узенькой крутой лестнице, ведущей на четвертый

этаж, и показывает вам Комнату на Чердаке. Комната занимает пространство величиной семь на восемь футов посередине дома. По обе стороны ее располагаются темный дощатый чулан и кладовка.

В комнате стоит узкая железная кровать, умывальник и стул. Столом и шкафом служит полка. Четыре голые стены словно смыкаются над вами, как крышка гроба. Рука ваша тянется к горлу, вы чувствуете, что задыхаетесь, взгляд устремляется вверх, как из колодца - и вы с облегчением вздыхаете: через маленькое окошко в потолке виднеется квадратик бездонного синего неба.

- Два доллара, сэр, - говорит Клара полупрезрительно, полуприветливо.

Однажды в поисках комнаты здесь появилась мисс Лисон. Она тащила пишущую машинку, произведенную на свет, чтобы ее таскала особа более массивная. Мисс Лисон была совсем крошечная девушка, с такими глазами и волосами, что казалось, будто они все росли, когда она сама уже перестала, и будто они так и хотели сказать: "Ну что же ты отстаешь от нас!"

Миссис Паркер показала ей кабинет с приемной.

- В этом стенном шкафу, - сказала она, - можно держать скелет, или лекарства, или уголь...

- Но я не доктор и не зубной врач, - сказала, поеживаясь, мисс Лисон.

Миссис Паркер окинула ее скептическим, полным жалости и насмешки, ледяным взглядом, который всегда был у нее в запасе для тех, кто оказывался не доктором и не зубным врачом, и повела ее на второй этаж.

- Восемь долларов? - переспросила мисс Лисон. - Что вы! Я не миллионерша. Я всего-навсего машинистка в конторе. Покажите мне что-нибудь этажом повыше, а ценою пониже.

Услышав стук в дверь, мистер Скиддер вскочил и рассыпал окурки по всему полу.

- Простите, мистер Скиддер, - с демонической улыбкой сказала миссис Паркер, увидев его смущение. - Я не знала, что вы дома. Я пригласила эту даму взглянуть на ламбрекены.

- Они на редкость хороши, - сказала мисс Лисон, улыбаясь точь-в-точь, как улыбаются ангелы.

Не успели они уйти, как мистер Скиддер спешно начал стирать резинкой высокую черноволосую героиню своей последней (неизданной) пьесы и вписывать вместо нее маленькую и задорную, с тяжелыми блестящими волосами и оживленным лицом.

- Анна Хелд ухватится за эту роль, - сказал мистер Скиддер, задрав ноги к ламбрекенам и исчезая в облаке дыма, как какая-нибудь воздушная каракатица.

Вскоре набатный призыв "Клара!" возвестил миру о состоянии кошелька мисс Лисон. Темный призрак схватил ее, поднял по адской лестнице, втолкнул в склеп с тусклым светом где-то под потолком и пробормотал грозные таинственные слова: "Два доллара!"

- Я согласна, - вздохнула мисс Лисон, опускаясь на скрипящую железную кровать.

Ежедневно мисс Лисон уходила на работу. Вечером она приносила пачки исписанных бумаг и перепечатывала их на машинке. Иногда у нее не было работы по вечерам, и тогда она вместе с другими обитателями дома сидела на ступеньках крыльца. По замыслу природы мисс Лисон не была предназначена для чердака. Это была веселая девушка, и в голове у нее всегда роились всякие причудливые фантазии. Однажды она разрешила мистеру Скиддеру прочитать ей три акта из своей великой (не опубликованной) комедии под названием "Он не Ребенок, или Наследник Подземки".

Мужское население дома всегда радостно оживлялось, когда мисс Лисон находила свободное время и часок-другой сидела на крыльце. Но миссис Лонгнекер, высокая блондинка, которая была учительницей в городской школе и возражала: "Ну уж, действительно!" на все, что ей говорили, садилась на верхнюю ступеньку и презрительно фыркала. А мисс Дорн, догорая по воскресеньям ездила на Кони-Айленд стрелять в тире по движущимся уткам и работала в универсальном магазине, садилась на нижнюю ступеньку и тоже презрительно фыркала. Мисс Лисон садилась на среднюю ступеньку, и мужчины быстро собирались вокруг нее.

Особенно мистер Скиддер, который отводил ей главную роль в романтической (никому еще не поведанной) личной драме из действительной жизни. И особенно мистер Гувер, сорока пяти лет, толстый, богатый и глупый. И особенно очень молоденький мистер Ивэнс, который нарочно глухо кашлял, чтобы она упрашивала его бросить курение. Мужчины признали в ней "забавнейшее и приятнейшее существо", но фыркание на верхней и нижней ступеньках было неумолимо.

Прошу вас, подождем, пока Хор подступит к рампе и прольет траурную слезу на комплекцию мистера Гувера. Трубы, возвестите о пагубности ожирения, о проклятье полноты, о трагедии тучности. Если вытопить романтику из толстяка Фальстафа, то ее, возможно, окажется гораздо больше, чем в худосочном Ромео. Любовнику разрешается вздыхать, но ни в коем случае не пыть. Удел жирных людей - плясать в свите Момуса. Напрасно самое верное сердце в мире бьется над пятидесятидвухдюймовой талией. Удались, Гувер! Гувер, сорока пяти лет, богатый и глупый, мог бы покорить Елену Прекрасную; Гувер, сорока пяти лет, богатый, глупый и

жирный - обречен на вечные муки. Тебе, Гувер, никогда ни на что нельзя было рассчитывать.

Как-то раз летним вечером, когда жильцы миссис Паркер сидели на крыльце, мисс Лисон взглянула на небеса и с милым веселым смешком воскликнула:

- А, вон он, Уилли Джексон! Отсюда его тоже видно. Все насмотрели наверх - кто на окна небоскребов, кто - на небо, высматривая какой-нибудь воздушный корабль, ведомый упомянутым Джексонном.

- Это вон та звезда, - объяснила мисс Лисон, показывая тоненьким пальцем, - не та большая, которая мерцает, а рядом с ней, та, что светит ровным голубым светом. Она каждую ночь видна из моего окна в потолке. Я назвала ее Уилли Джексон.

- Ну уж действительно! - сказала мисс Лонгнекер. - Я не знала, что вы астроном, мисс Лисон.

- О да! - сказала маленькая звездочетша. - Я знаю ничуть не хуже любого астронома, какой покроя рукава будет осенью в моде на Марсе.

- Ну уж действительно! - сказала мисс Лонгнекер. Звезда, о которой вы упомянули, называется Гамма из созвездия Кассиопеи. Она относится к звездам второй величины и проходит через меридиан в...

- О, - сказал очень молоденький мистер Ивэнс, - мне кажется, для нее больше подходит имя Уилли Джексон.

- Ясное дело, - сказал мистер Гувер, громко и презрительно засопев в адрес мисс Лонгнекер, - мне кажется, мисс Лисон имеет право называть звезды, как ей хочется, ничуть не меньше, чем все эти старинные астрологи.

- Ну уж действительно, - сказала мисс Лонгнекер.

- Интересно, упадет эта звезда или нет, - заметила мисс Дорн. - В воскресенье в тире от моих выстрелов упали девять уток и один кролик из десяти.

- Отсюда, снизу, он не такой красивый, - сказала мисс Лисон. - Вот вы бы посмотрели на него из моей комнаты. Знаете, из колодца звезды видны даже днем. А моя комната ночью прямо как ствол угольной шахты, и Уилли Джексон похож на большую бриллиантовую булавку, которой Ночь украсила свое кимоно.

Потом пришло время, когда мисс Лисон не приносила больше домой неразборчивые рукописи для перепечатки. И по утрам, вместо того, чтобы идти на работу, она ходила из одной конторы в другую, и сердце ее стыло от постоянных холодных отказов, которые ей передавали через наглых молодых конторщиков. Так продолжалось долго.

Однажды вечером, в час, когда она обычно приходила после обеда из закусочной, она устало поднялась на крыльцо дома миссис Паркер. Но на этот раз она возвращалась не пообедав.

В вестибюле она встретила мистера Гувера, и тот сразу воспользовался случаем. Он предложил ей руку и сердце, возвышаясь над ней, как громадный утес. Она отступила и прислонилась к стене. Он попытался взять ее за руку, но она подняла руку и слабо ударила его по щеке. Шаг за шагом она медленно переступала по лестнице хватаясь за перила. Она прошла мимо комнаты мистера Скиддера, где он красными чернилами вписывал в свою (непринятую) комедию ремарки для Мэртл Делорм (мисс Лисон), которая должна была "пируэтом пройти от левого края сцены до места, где стоит Граф". По устланной половиком крутой лестничке она, наконец, доползла до чердака и открыла дверь в свою комнату.

У нее не было сил, чтобы зажечь лампу или раздеться. Она упала на железную кровать, и старые пружины даже не прогнулись под ее хрупким телом. Погребенная в этой преисподней, она подняла тяжелые веки и улыбнулась.

Потому что через окно в потолке светил ей спокойным ярким светом верный Уилли Джексон. Она была отрезана от всего мира. Она погрузилась в черную мглу, и только маленький холодный квадрат обрамлял звезду, которую она назвала так причудливо и, увы, так бесплодно. Мисс Лонгнекер, должно быть, права: наверно, это Гамма из созвездия Кассиопеи, а совсем не Уилли Джексон. И все же так не хочется, чтобы это была Гамма.

Она лежала на спине и дважды пыталась поднять руку. В третий раз она с трудом поднесла два исхудалых пальца к губам и из своей темной ямы послала Уилли Джексону воздушный поцелуй. Рука ее бессильно упала.

- Прощай, Уилли, - едва слышно прошептала она. - Ты за тысячи тысяч миль отсюда и ни разу даже не мигнул. Но ты мне светил оттуда почти все время, когда здесь была сплошная тьма, ведь правда? Тысячи тысяч миль... Прощай, Уилли Джексон.

В десять часов утра на следующий день чернокожая служанка Клара обнаружила, что дверь мисс Лисон заперта, дверь взломали. Не помогли ни уксус, ни растирания, ни жженные перья, кто-то побежал вызывать скорую помощь.

Не позже чем полагается, со страшным звоном, карета развернулась у крыльца, и из нее выпрыгнул ловкий молодой медик в белом халате, готовый к действию, энергичный, уверенный, со спокойным лицом, чуть жизнерадостным, чуть мрачным.

- Карета в дом сорок девять, - коротко сказал он. - Что случилось?

- Ах да, доктор, - надулась миссис Паркер, как будто самым важным делом было ее собственное беспокойство оттого, что в доме беспокойство. - Я просто не понимаю, что с ней такое. Чего мы только не перепробовали, она все не приходит в себя. Это молодая женщина, некая мисс Элси, да, - некая мисс Элси Лисон. Никогда раньше в моем доме...

- Какая комната! - закричал доктор таким страшным голосом, какого миссис Паркер никогда в жизни не слышала.

- На чердаке. Это...

По-видимому, доктор из скорой помощи был знаком с расположением чердачных комнат. Он помчался вверх, прыгая через четыре ступеньки Миссис Паркер медленно последовала за ним, как того требовало ее чувство собственного достоинства.

На первой площадке она встретила доктора, когда он уже возвращался, неся на руках астронома. Он остановился и своим острым, как скальпель, языком отрезал несколько слов, не очень громко Миссис Паркер застыла в неловкой позе, как платье из негнувшейся материи, соскользнувшее с гвоздя. С тех пор чувство неловкости в душе и теле осталось у нее навсегда. Время от времени любопытные жильцы спрашивали, что же это ей сказал тогда доктор.

- Лучше не спрашивайте, - отвечала она. - Если я вымолю себе прощение за то, что выслушала подобные слова, я умру спокойно.

Доктор со своей ношей шагнул мимо своры зевак, которые всегда охотятся за всякими любопытными зрелищами, и даже они, ошеломленные, расступились, потому что вид у него был такой, словно он хоронит самого близкого человека.

Они заметили, что он не положил безжизненное тело на носилки, приготовленные в карете, а только сказал шоферу: "Гони что есть духу, Уилсон!"

Вот и все. Ну как, получился рассказ? На следующий день в утренней газете я прочел в разделе происшествий маленькую заметку, и последние слова ее, быть может, помогут вам (как они помогли мне) расставить все случившееся по местам.

В заметке сообщалось, что накануне с Восточной улицы, дом 49, в больницу Бельвю доставлена молодая женщина, страдающая истощением на почве голода. Заметка кончалась словами

"Доктор Уильям Джексон, оказавший первую помощь, утверждает, что больная выздоравливает".